

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

РЫЦАРИ
СОРОКА ОСТРОВОВ

Сергей Васильевич Лукьяненко

Рыцари Сорока Островов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121028

Рыцари Сорока Островов : [фантастический роман] / Сергей

Васильевич Лукьяненко: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-122721-0

Аннотация

Земные дети, которых загадочным образом перебросили в другую реальность, попадают в мир Сорока Островов. Здесь бушуют штормы и бродят призраки, существуют странные ритуалы и жизнь течет по правилам, напоминающим детскую игру в войну. Казалось бы – мечта каждого подростка! Но эта война продолжается изо дня в день и умирают в этих битвах на картонных мечях по-настоящему...

Содержание

Часть первая	5
Рассвет	5
1. Фотография в газету	6
2. Замок Алого Щита	11
3. Правила Игры	16
4. Южный мост	21
5. Дерево и сталь	28
6. Инга	35
7. Двойники	45
8. Секретный план	52
9. Беда	61
10. Безумный Капитан	70
11. «Наблюдатель-36 докладывает...»	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Сергей Лукьяненко

Рыцари Сорока Островов

Посвящается Гуле

...дети могут воевать со взрослыми. Взрослые тоже воюют с детьми, они одичали. Но дети не воюют с детьми ни на одной планете – они еще не посходили с ума!

Владислав Крапивин

Часть первая

Замки и мосты

Рассвет

(Вместо вступления)

Раньше мне очень хотелось увидеть рассвет. Нет, не восход солнца – это уже не рассвет, это начало утра. А мне хотелось уловить тот миг, когда отступает ночь, темное небо становится сиреневым, прозрачным, чуть розовым на востоке. Но поймать мгновение рассвета оказалось так же трудно, как поймать момент наступления сна.

Еще секунду назад вокруг была ночь, тяжелая и беспросветная, словно бы даже окрепшая в предутренние часы. И вдруг что-то неуловимо меняется. Проходит минута, другая – и ты понимаешь, что воздух светлеет, темные пугающие силуэты превращаются в обыкновенные деревья, а небо становится чистым и нежно-фиолетовым. Это – рассвет. Наверное, он приходит, когда уже не остается сил выдерживать ночь. Это еще не утро, это просто конец темноты. Это – рассвет.

1. Фотография в газету

Район был чужим.

Я шел по узкому каменному бордюру, отделяющему тротуар от дороги, раскинув для равновесия руки. Несерьезно, конечно, но у меня было слишком уж плохое настроение.

Лето выдалось неудачным. Нет, начиналось оно совсем неплохо – я на «отлично» окончил седьмой класс и перешел сразу в девятый. Не потому, конечно, что я вундеркинд и могу за неделю выучить программу восьмого класса. Просто в школе проходила какая-то дурацкая реформа, по которой учиться полагалось с шести лет и одиннадцать классов. Вот всех нас и перевели из седьмого прямо в девятый. Мы, разумеется, не спорили. Теперь можно было на вопрос о возрасте спокойно отвечать: «Учусь в девятом». Улавливаете разницу? Четырнадцать лет – или девятый класс.

А вот потом началась полная ерунда. Все мои друзья как сговорились – разъехались в летние лагеря или с родителями на курорты. Один даже попал в международный компьютерный лагерь и уже прислал фотографию, где он стоял в обнимку с двумя американцами. Вид у штатовцев был порядком помятый, наверное, с ними многие хотели сфотографироваться... Но все равно было немного завидно. К тому же из всего нашего района в городе я остался один.

Соскочив с бордюра, я остановился на перекрестке. Нет

ничего скучнее, чем бродить одному по улицам, которые знакомы с детства. Тем более когда город маленький, как и множество других городков вокруг. Правда, наш – особенный: в нем есть заводы, на которых делают космические спутники и всякую секретную технику. Но это интересно разве что иностранным шпионам.

Ну а мне приходилось болтаться по городу, скучать и поддерживать авторитет района. Проще говоря – лезть в драки с мальчишками из других компаний.

Мимо прошагали два пацана, на год-полтора младше меня. Краем глаза я заметил, как один из них, прищелкнув языком, сплюнул на асфальт и покосился мне вслед. Мальчишки еще не доросли, чтобы прицепиться ко мне, пусть даже я и был чужаком, идущим по их району. Но на презрительный плевков они отважились.

Я остановился. Развернулся к мальчишкам. Ласково спросил:

– Что, побакланить хочется?

Побакланить – значит подраться. Но ребятам этого явно не хотелось. Наверное, я выглядел слишком воинственным или чересчур сильным.

Вот только драться не хотелось и мне.

Усмехнувшись, я пошел дальше. Мальчишки за моей спиной, пытаясь сохранить остатки самолюбия, что-то сказали вполголоса. Слишком тихо, чтобы стоило оборачиваться и продолжать беседу.

Мне хотелось дойти до парка. Там могли оказаться знакомые ребята, с утра отправившиеся загорать на озеро. В крайнем случае можно было искупаться и одному.

У нас в городе замечательный парк. В нем растут высокие деревья, многим из которых лет сто, не меньше. Когда городок только строили, лес в этом месте не тронули, а только выкорчевали кусты и убрали старые сухие деревья.

Озерцо, вокруг которого раскинулся парк, тоже привели в порядок и насыпали отличный песчаный пляж. Я представил, как торопливо разденусь на берегу, брошу на скамеечку одежду, побегу к воде... Настроение у меня сразу подскочило. Что может быть прекраснее в каникулы, чем жаркое солнце и прохладная вода?! Ну... разве что какое-нибудь захватывающее приключение.

И тут я услышал громкий голос.

— Мальчик! Мальчик!

Я обернулся и увидел, что ко мне спешит незнакомый высокий парень. На груди у него болтался кожаный чехол фотоаппарата, лицо покраснелось от бега. Он был довольно толстым, в темной клетчатой рубашке, в широких мешковатых штанах. Я молча смотрел, как он бежит ко мне, слыша краем уха и шум машин на улице, и бесконечный разговор старушек на скамеечке. Ничего удивительного не могло случиться здесь, у каменных ворот парка, в жаркий летний полдень, на глазах у десятков людей. Так я тогда думал...

А парень уже остановился передо мной, поправил ладо-

нюю волосы и, счастливо улыбаясь, произнес:

– Мальчик, хочешь сфотографироваться для газеты?

Если честно, на такой вопрос есть лишь один ответ. Парень даже не ждал моего согласия. Он что-то торопливо подкручивал в своем фотоаппарате и все говорил, не умолкая ни на секунду. Он – корреспондент городской газеты. Сейчас в ней хотят поместить большую статью про молодежь нашего города. Ну и, как положено, сфотографировать для статьи нескольких ребят... Я чем-то понравился журналисту, и он решил непременно напечатать в газете мою фотографию.

Настоящих корреспондентов я никогда в жизни не видел, но почему-то считал, что они должны выглядеть по-другому. Не такими потными и лохматыми, что ли... Предложи мне этот парень куда-нибудь с ним пойти, я бы непременно отказался. Люди бывают разные... Но корреспондента вполне устраивал шумный, людный парк с маячившим неподалеку милиционером и любопытными старушками. Наверное, я и в самом деле очень фотогеничный, как говорила моя одноклассница Инга. Очень хорошая и умная девчонка, только вот не всегда поймешь, говорит она серьезно или шутит. Я с ней даже иногда ссорюсь из-за этого.

Парень навел свой фотоаппарат, замер. Как-то странно улыбнулся. Я так улыбаюсь, когда чувствую себя виноватым, а сознаться не хватает смелости. Мною овладел непонятный страх. Но палец корреспондента уже плавно давил на кнопку.

Фотоаппарат щелкнул. Очень громко щелкнул, обычные

«Зениты» снимают гораздо тише. И наступила темнота.

2. Замок Алого Щита

Темнота окружала меня со всех сторон. Я хотел закричать – и не смог. Дернулся в сторону – и понял, что не могу сдвинуться с места. Вокруг была темнота, и холод, и больше ничего. Меня самого – и то словно бы не было.

Темнота взорвалась. Это было именно взрывом – что-то гулко ударило в уши, я кувыркнулся и с радостью сообразил, что никуда я не делся, весь на месте. Но тут до меня дошло, что ни на каком я не на месте.

Я висел в воздухе, метрах в десяти над зем... То есть не над землей, не было там никакой земли. Подо мной розовел маленький песчаный островок – километра два в диаметре, с круглым озерцом в центре. Несколько незнакомых деревьев с мелкой темно-зеленой листвой росли по его берегам. А вокруг острова до самого горизонта ярко и празднично голубело море, белые пенистые волны застыли, накатываясь на берег... И вдруг все сдвинулось с места. Волны дернулись и с шумом прокатились по песку. Воздух перестал быть холодным, в лицо дохнуло жаром, неожиданным даже для лета, и солеными брызгами, какими-то слишком уж солеными... А я начал стремительно падать вниз, горячий воздух мягко ударил в лицо, перевернул меня набок. Так вот, боком, едва успев выставить руки, я и упал на берег Тридцать шестого острова.

Мне было так нестерпимо больно, что я заплакал, еще не придя в себя. А потом что-то прохладное коснулось моего лба, и я услышал тихий голос:

– Если он умрет, то из-за тебя, Крис. Я еще вчера говорила, что площадка мала...

Голос был девчоночий, тонкий и сердитый. Я вначале не сообразил, про кого она говорит, а потом до меня дошло. Я умру? Фигу! Я собрал все силы и открыл глаза.

Подо мной был песок – мягкий, горячий; надо мной – чистое безоблачное небо, а в нем желтый солнечный диск. А еще надо мной склонились незнакомые мальчишки и девчонки. Одна из них держала у меня на лбу мокрую ладонь. Когда я открыл глаза, девчонка вся просияла.

– Тебе лучше? Правда?

– Правда, – машинально ответил я. Это было уж слишком – вначале скучный, тягучий как резина день, а потом трахнуться с неба на какой-то островок... И тут я оцепенел от страха. Как же я попал сюда? Я ведь стоял у самого входа в парк, и улыбающийся фотограф ловил меня в объектив камеры...

Я бы здорово испугался. Но тут посмотрел на лица ребят – и увидел, что они улыбаются. Не обидно, но все равно... Они понимающе улыбались! Они знали, в чем дело! Значит, и я узнаю... Страх сразу прошел. Я встал и огляделся, не обращая на мальчишек никакого внимания.

Островок был действительно маленьким, да еще озеро в

центре... Получалось что-то вроде огромного розового бублика – кольцо мелкого песка диаметром метров восемьсот, не больше. Кое-где из песка выглядывали острые камни и шершавые, изогнутые веточки кораллов. Я подумал, что со мной было бы, брякнись я на такую штуку, и мне стало жутко. Это была приятная жуть, которая приходит уже после неслучившейся беды. Дальний край острова поднимался пологим песчаным холмом, заросшим реденьким кустарником попеременно с чахлой желтеющей травой. Я обернулся, заканчивая осмотр островка. И ахнул от изумления. Метрах в сорока от меня вставал из песка замок. Совсем крошечный, очень аккуратный, жмущийся к берегу и нависающий над самой водой. Но у него было все, что полагается иметь настоящему замку: высокие стены из розового мрамора, сторожевая башня метров десяти – пятнадцати в высоту, узкие окна-бойницы, ворота из серого металла. Однако это было еще не самое удивительное. С трех сторон замка, обращенных к морю, ровными дугами выгибались тонкие розовые мосты. Они шли над морем, поднимаясь на головокружительную высоту, и опускались на островках вдали, кажется – возле таких же замков. Это было очень красиво, но в тот момент я думал не о красоте и не о том, как можно выстроить на затерянном в море островке такой замок и такие мосты. Меня почему-то брала досада, что, падая, я не успел ничего этого разглядеть и теперь стою с видом полного идиота. Я порядком разозлился и заговорил с окружавшими меня ре-

бятami довольно грубо:

– Может, хватит на меня смотреть? Я не на витрине!

Но они не обиделись. А самый старший, на вид лет семнадцати, то есть года на три старше меня, сказал:

– А ты молодец. Совсем не боишься.

И протянул руку:

– Меня зовут Крис.

– Дима, – буркнул я.

Все вокруг меня были ужасно, до черноты загорелые, и немудрено: солнце жарило с неба изо всех сил, а они стояли почти раздетые. Ребята попросту в плавках или в шортах, явно самодельных, с бахромой по низу. Лишь у двоих были еще выцветшие футболки. Девчонки, которые помладше, тоже носили шорты и майки, только самая старшая, которая помогла мне прийти в себя, была в коротком застиранном платье. Самый приличный вид имел Крис – в вытертых джинсах и черной футболке. Но, как и другие ребята, он зарос волосами, словно дикобраз – иглами. У нас в классе таких пышных волос не имела ни одна девчонка. Я невольно ухмыльнулся, даже не задумываясь, какой вид будет у меня после нескольких месяцев на необитаемом острове. Коротко, хоть и неумело постриженным оказался лишь один мальчишка, мой ровесник. На тонком пояске джинсовых шорт у него висел маленький включенный плеер. Наушники были надеты, только один сдвинут, чтобы слышать разговор. Когда я узнал его прозвище – Меломан, – оно меня ничуть не

удивило.

Самый младший из ребят, лет одиннадцати, в оранжевых плавках и смешной белой кепочке от солнца, громко сказал:

– А наш замок – замок Алого Щита! Он лучший на Островах!

И отступил назад, словно сам испугался своей смелости. Все засмеялись. Я тоже невольно улыбнулся, потому что понял – ничего со мной не случилось, а вокруг настоящие, хорошие ребята.

3. Правила Игры

Комнат в замке оказалось немного. Одна, узкая и длинная, называлась Турнирным залом. Было шесть маленьких спален, в них жили мальчишки, по двое в каждой. Потом две большие – в первой жили три девчонки, во второй – одна, самая старшая – Рита. Всего на острове, без меня, было шестнадцать человек. Самый старший – Крис, а самый младший – тот малыш в кепочке. Его все звали Малёк, чуть снисходительно, как младшего братишку. Было еще несколько комнат, в одной Рита и девчонки помладше – Таня, Лера и Оля – готовили еду, в других хранили разные вещи. А самая большая комната называлась Тронным залом. В него меня и повели после того, как я оказался на острове. В Тронном зале не было никакого трона, там и стульев-то почти не было. Зато посредине стоял огромный круглый стол из потемневших от времени выщербленных досок. Вокруг стола теснились перевернутые доньшками вверх пустые деревянные бочонки, на которых ребята тут же расселись. Все это скорее напоминало кают-компанию старинного корабля, чем обстановку рыцарского замка. В зале оказалось довольно светло – в трех стенах были проделаны широкие окна, застекленные и заделанные изнутри толстой решеткой. На той стене, которая не имела окна, висел большой круглый щит диаметром метра два, не меньше. Щит покрывала ярко-алая эмаль – сразу

видно, что он служил не оружием, а просто эмблемой. Меня усадили на один из немногих настоящих стульев и начали, толкаясь и перебивая друг друга, объяснять сразу полтора десятка вещей. Тогда Крис заставил всех замолчать и начал рассказывать сам. Я слушал его и не знал, то ли смеяться над его словами, то ли плакать. Похоже, следовало плакать...

Все ребята попали на остров так же, как я. Их просили сфотографироваться – для журнала или просто так, – они соглашались и... И оказывались на острове.

Сообразить, в чем тут дело, было несложно. Но на всякий случай я спросил:

– Так это был не фотограф?

Крис кивнул:

– Конечно. Просто у него прибор, замаскированный под фотоаппарат.

– У кого?

Ребята переглянулись, словно решая, можно ли мне все говорить. Наконец Крис сказал:

– У пришельца. Это вовсе не человек, тот, кто тебя фотографировал. А этот остров – он не на Земле, а где-то на другой планете.

У меня холодок пробежал по спине, и не от слов Криса, а от того спокойствия, с каким он говорил. Я не выдержал и перебил его:

– Откуда ты знаешь?

– Они сами сказали. – Крис положил руку мне на плечо

и добавил: — Ты только не злишь, Димка. Мы-то тут ни при чем. Я вот уже семь лет живу на острове.

— Что?!

Я подскочил на месте. Семь лет? Выходит, и я здесь останусь надолго? А мама с папой? Что они подумают? Они же будут меня искать, решат, что я утонул или еще что-нибудь случилось... Ни я, ни Крис тогда не знали, что никого из нас дома не ищут, что случившееся с нами куда удивительнее простого похищения.

Рита осторожно взяла меня за руку и потянула куда-то.

— Идем...

Я машинально пошел следом. Крис тоже двинулся за нами, а остальные остались на месте. «Наверное, они тут самые главные», — подумал я. И тут меня осенило.

— Крис, а почему у тебя такое странное имя?

— Оно не странное, это английское имя, — чуть изменившимся голосом сказал Крис. — Я же из Англии.

Это меня почему-то доконало. Я сразу поверил во все, поверил до конца...

— У нас еще Януш из Польши, — негромко сказала Рита. — А все остальные ребята наши, из России. Каждый месяц кто-нибудь новый появляется. Но обычно их невысоко сбрасывают, над самым песком, а ты метров с восьми упал. Я думала, что разобьешься, а ты крепкий...

Они с Крисом завели меня в маленькую комнату, где стояла пара кроватей, а на стене, перекрещиваясь, висели два

коротких меча. Вначале они показались мне настоящими, только какого-то странного цвета. Потом я понял, что это лишь игрушки: мечи были деревянными. Правда, сделаны они были здорово – когда в первом или втором классе я с друзьями играл в рыцарей, мы фехтовали чуть обструганными палками...

– Ложись и поспи, – ласково сказал Крис. – А завтра мы тебе все подробно объясним.

Я и правда хотел спать, то есть даже не спать, а забыться, хоть на мгновение. Но вначале мне непременно надо было выяснить одну вещь...

– Крис, отсюда нельзя вернуться домой? Это... навсегда?

Секунду Крис молчал, а я с ужасом ждал ответа. Но Крис сказал именно то, что я и хотел услышать:

– Вернуться можно, Димка. Но это очень трудно.

Все равно... Я обязательно вернусь. Обязательно... На кроватях не было одеял, да они и негодились бы при такой жаре. Я стянул покрывало, лег на холодную белую простыню и через несколько минут заснул.

Открыв глаза, я прекрасно помнил, где нахожусь. И еще в ушах у меня звучали последние слова Криса: вернуться можно... На соседней кровати лежал Малёк. Но едва я приподнялся, как и он тоже вскочил – наверное, давно не спал, а ждал, пока я проснусь. Мы неловко улыбались, посматривая друг на друга. В общем-то он был совсем еще маленький, но и у него можно кое-что узнать...

– Малёк, а где все?

– На мостах, – с готовностью ответил он. – А девчонки обед готовят.

– А ты?

– А меня с тобой оставили, – смутился он. – Все показать и рассказать про Игру.

Так я впервые услышал это слово – Игра.

И, конечно же, сразу спросил, что это такое. Малёк даже досадливо поморщился от моего вопроса.

– Ой, Игра – это совсем просто. Там есть три главных правила – не играть после развода мостов, не играть в поддавки и не смотреть вверх, когда заходит солнце.

Так я впервые узнал правила Игры.

А Малёк тем временем снял со стены деревянный меч, подал мне. Он был такой заправдашний, что я вытянул его перед собой и залюбовался. Малёк сказал:

– Это Тимуркин меч. Но твой тоже будет не хуже, Крис обещал подобрать... А если честно, у нас с оружием плохо, – неожиданно серьезно добавил он.

Так я впервые взял в руки оружие Игры.

Повертел меч и попросил Малька:

– А теперь объясни мне все подробно. Ладно?

4. Южный мост

Все это было и глупо, и смешно, и немного жутко. В море, а может быть, в океане, а может быть – на полностью покрытой водой планете имелось сорок маленьких островов. На каждом острове стоял замок со своей эмблемой и названием. Каждый остров, а точнее замок, был связан мостами с тремя соседними островами. Нашими соседями были Двенадцатый, Двадцать четвертый и Тридцатый острова – иначе говоря, острова Веселых Братьев, Горячей Воды и Черных Звезд. У нашего острова был тридцать шестой номер. На всех островах жили мальчишки и девчонки, попавшие туда так же, как и мы. На каждом острове – человек по десять – пятнадцать... И вся эта орава играла. Во что? Ну вроде как в рыцарей. Сражались этими самыми деревянными мечами и кинжалами, пытались захватить соседние острова...

– Зачем? – тут же спросил я.

И Малёк спокойно разъяснил – тот остров, рыцари которого завоюют все сорок островов, считается победителем. И все, кто жил на этом острове, возвращаются домой. На Землю.

– И сколько островов вы уже завоевали? – Я сразу перешел к главному.

Малёк пожал плечами.

– Ни одного. Когда-то мы захватили Двенадцатый остров,

но потом рабы взбунтовались...

– Какие рабы?

– Ну, ребята с Двенадцатого острова... Когда мы их захватили, они стали нашими рабами. Должны были за нас сражаться, а на Землю все равно не вернулись бы.

Ничего себе! Я бы тоже взбунтовался. Очень надо играть за кого-то, а самому остаться на островах! Голова у меня прямо гудела от мыслей, я не знал, что и спросить у Малька. Хорошо хоть, что ему уже стало скучно.

– Димка, – протянул он, – пойдем искупаемся...

И я как-то сразу вспомнил про море. Пусть остров был нашей тюрьмой. Но море-то ни в чем не виновато! Я вспомнил, каким видел его вчера – огромным, голубым, даже на взгляд теплым, – и тут же спрыгнул с кровати.

– Пошли! Я только оденусь...

– Ты джинсы обрежь, – покровительственным тоном посоветовал Малёк. – Возьми у девчонок ножницы и сделай шорты. Жарко ведь...

Совет был неплохим, но следовать ему не хотелось. Это как-то унижало меня, примиряло с островом, словно я действительно собирался остаться здесь надолго. Неопределенно пожав плечами, я затянул ремешок.

– Ремень хороший, – тем же умным тоном сказал Малёк.

Что в нем хорошего? Обычный оранжевый кожаный ремешок, не очень-то подходящий к вытертым джинсам.

– Пряжка хорошая, тяжелая, – разъяснил Малёк. – Если в

бою меч сломается, можно ремнем отбиваться.

Я засмеялся. Пряжка и верно тяжелая, если такой ударить, получится гораздо сильнее, чем тоненьким деревянным мечом...

Мы вышли из комнаты в узкий коридор из такого же розового мрамора, что и весь замок. Малёк то забегал вперед, то останавливался, распахивая все двери по сторонам и вопя что попало. Там были комнаты других ребят, но в них никого не оказалось.

– Что они делают на мостах? – спросил я.

– Караулят, не дают напасть... – Малёк веселился от души. Мы спустились на этаж ниже, туда, где находился Тронный зал, и Малёк завопил в распахнутые деревянные двери: – Ритка-нитка, голодное племя водоплавающих индейцев идет к морю!

– Идите, – спокойно отозвалась Рита, видно, привыкшая к его фокусам. – Но через час я все со стола убираю, и вы останетесь голодными до обеда. Доброе утро, Дима!

– Доброе утро! – пробормотал я.

Рита стояла возле стола и резала хлеб. Она улыбнулась и добавила:

– Да вы бегите, ребята. Это же твой первый день на острове, Димка, а в первый день можно ничего не делать.

– Да здравствует первый день! – завопил Малёк. И деловито сообщил: – Я твой сопровождающий и тоже могу ничего не делать.

И мы бросились дальше. Вылетели из дворца – наружные двери были раскрыты – и уже через минуту дурачились в воде – теплой, соленой, в которой дрожало повисшее в небе солнце. И не вылезали до тех пор, пока теплая вода не стала казаться нам холодной, а я всерьез не испугался, что Рита нас не дожидется и мы останемся без завтрака. Но Малёк посмотрел на солнце и уверенно сказал, что можно еще полчаса погреться на песке. И мы разлеглись под розовой стеной замка – так, чтобы на голову падала тень, а все остальное загорало...

– Малёк, а как тебя зовут на самом деле? – спросил я.

– Игорь, только у нас Игорей и без меня целых три. Вначале звали Игорем-маленьким, а теперь просто Мальком. Пробовали звать Малышом, но я не согласился.

– Малыш и Карлсон, – хмыкнул я. – Читал?

– Не-а, – виновато протянул он. – Я когда сюда попал, еще не умел читать. А здесь этой книжки нет. Но Рита мне ее рассказывала...

– Малёк, объясни мне еще раз правила Игры, – попросил я.

Мой сопровождающий вздохнул, словно учитель, которому попался непонятливый ученик:

– Значит, так... Цель Игры – захватить чужие острова. – Малёк говорил явно чужие, взрослые слова, и это было немного смешно. – Оружие Игры – мечи и кинжалы... У Игоря-длинного есть арбалет.

– С деревянными стрелами?

– Угу. Нельзя сговариваться с чужим островом и играть в поддавки. Нельзя ночью воевать...

– Почему?

– Ночью мосты разводятся. Понимаешь, они из такого камня, который от нагревания сильно расширяется. Посредине моста есть зазор. Утром мосты нагреваются, половинки сходятся, и мост делается целый. А сразу после захода солнца или просто в пасмурную погоду мост раздвигается. Дыра делается метра в четыре, так что не перескочишь. Да и нельзя перепрыгивать, нужно сразу кончать Игру.

– А если перепрыгнешь?

Малёк сердито взглянул на меня.

– Нельзя, накажут!

– Кто?

Он посмотрел вверх и с неохотой сказал:

– Ну эти... пришельцы. У нас один мальчик, Ростик, пустил стрелу после захода солнца, когда мосты разошлись. А вечером пошел купаться – и утонул.

Я опасливо взглянул вверх. Небо было голубым, чистым, и ничего в нем не было: ни летающих тарелок, ни крылатых чудовищ. Но мне, как, наверное, и Мальку, стало казаться, что оттуда следит кто-то невидимый. Невидимый и страшный. До этого я храбрился, все-таки Игра – это и есть Игра. Деревянным мечом разве что шишку набить можно... А этот Ростик утонул по-настоящему. И из-за чего? Из-за дурачко-

го правила.

– А почему нельзя смотреть вверх во время заката? – спросил я, вспомнив вдруг еще более дурацкий закон.

– Не знаю, – честно признался Малёк. – Только посмотришь вверх – ослепнешь.

Меня больше не радовали ни шелест прибоя, ни яркое солнце. Оказывается, не только остров был против нас, безмятежное небо тоже грозило бедой. Мелкий песок, на котором мы лежали, вдруг показался мне колючим и до отвращения сухим, словно грязная придорожная пыль. Я поднялся:

– Пошли завтракать.

– Идем... – У Игоря-маленького тоже испортилось настроение. Мы побрели к замку. Озеро обходить не хотелось, и мы пошли вдоль берега. Там было неглубоко, до колена, вода оказалась горячей, как кипяток, но у дна вертелись какие-то рыбки.

– Мы со стен замка рыбачим, – сказал Малёк. – Закидываем удочки в самое море и рыбачим. Девчонки уху варят.

Замок розовел на солнце, нарядный, как елочная игрушка. «Разгромить бы этих пришельцев, – подумал я. – А здесь устроить какой-нибудь курорт...» От этих мыслей мне стало смешно. Разгромить! Пришельцев, которые взяли да и перенесли нас на другую планету! Да у них техника в сто раз лучше земной! Даже целая армия тут ничего не сделает! Нет, эту Игру надо выигрывать по их правилам...

Железные ворота замка вдруг закрипели, раскрываясь,

и из них выскочила Ритка. Метнулась к нам, и лицо у нее было такое перепуганное, что я невольно уставился в ворота – может, за ней гонится какое-то чудовище?

– Ребята, на южном мосту... Ребята... – Ритка всхлипнула, и я понял, что ничего больше от нее не добьешься – в лучшем случае она разревется. Впрочем, и так все было понятно. Вслед за Игорьком я бросился к воротам.

5. Дерево и сталь

Мост был узким, метра два в ширину. По краям поднимались низенькие, в метр, перильца из того же розового мрамора, что и мост и весь замок. Хуже всего было, что мрамор моста оказался чертовски гладким, ноги скользили. Я пытался бежать ближе к краю, там плитки выглядели шероховатыми. Зато сразу стало страшнее – уж слишком далеко под нами дрожала морская гладь. Мы с Мальком бежали уже минут пять, наш замок остался позади, и напутствий, которыми засыпали нас девчонки, слышно уже не было. И хорошо... Я вспомнил, как они притащили оружие, но меня стали отговаривать идти на мост. В первый день можно не играть... Что я, предатель, что ли? На южном мосту, где дежурили всего трое ребят, шла ожесточенная схватка. Таня увидела ее с дозорной башни – сегодня была ее очередь наблюдать за мостами – и подала сигнал тревоги. А меня пытались отговорить помогать ребятам! Мало ли, что ты не умеешь фехтовать... Тоже мне мушкетеры. Мастера деревянного клинка... Я несея за Мальком, а меч, тот самый, который он мне показывал утром, мотался у меня на поясе.

В центре мост слегка выгибался кверху, подъем был пологим, почти незаметным, но скрывал от нас картину боя до последнего момента. Ветер все крепчал, и немудрено – до воды теперь была добрая сотня метров. Я старался не смот-

реть вниз, но со страхом чувствовал, что мост раскачивается от его порывов. Разве можно так строить – километровый, не меньше, мост, и ни одной опоры! Но тут мы добрались до середины моста, до самой высокой его точки. И сразу все увидели.

Наших ребят спасало лишь то, что мост очень узкий и драться могли только две пары. А не то их бы давно смяли – со стороны вражеского острова наседали не меньше десятка парней. Нападавшие были такие же загорелые и так же богато одетые, как и мы. Но отличить их было нетрудно – в их руках беспощадно сверкали стальные мечи! Настоящие, острые даже на вид. Я увидел эти мечи и оцепенел. Сердце застучало часто-часто. Какая же это Игра? Это издевательство! Они с настоящим смертельным оружием, а мы с деревянными игрушками! Мне захотелось крикнуть, что так нечестно, хотя я и понимал, что глупее ничего не придумаешь. Но тут я увидел такое, от чего сердце у меня словно оборвалось. Один из нападавших размахнулся, и его меч обрушился на Криса, который сейчас один загораживал им проход. Двое других наших ребят, Януш и Толик, почему-то стояли за его спиной... Так вот, Крис не стал уворачиваться от удара, а поднял свой меч, отражая его. И пока блестящий стальной клинок падал на Криса, я успел подумать, что металлический меч перерубит деревяшку пополам и еще заденет Криса по лицу...

Два меча, стальной и деревянный, скрестились. До нас до-

летел скрежет, и я увидел, как от удара посыпались искры. Тем временем Крис прыгнул вперед и ударил сам. Его меч скользнул вдоль вражеского и попал в плечо. И нападавший, мальчишка примерно моего возраста, вдруг закричал. Отчаянно, так не кричат, когда получают удар палкой. Даже Крис отступил назад, а Малёк рядом со мной ойкнул. А тот незнакомый мальчишка медленно сел на мраморные плиты моста. По руке у него текла кровь. Настоящая... И на деревянном мече Криса тоже темнели багровые пятна.

Схватка на мгновение прекратилась. Крис отступил назад, а между двумя отрядами теперь сидел окровавленный мальчишка. Наконец его товарищи бросились к нему и оттащили обратно. А я посмотрел на Януша с Толиком. Внимательно посмотрел, не так, как раньше. И сообразил, что Януш не случайно держит меч в левой руке – правая у него обмотана темной от крови тряпкой. А Толик не зря приложил левую руку к животу – точно так в кино зажимают рану солдаты. Но мы-то не солдаты!

Крис обернулся, и я увидел, какой тоскливый у него взгляд. Но тут он заметил нас и успокоенно махнул рукой. Малёк подбежал к нему. А я продолжал стоять.

Мы же не солдаты!

А те, с Двадцать четвертого острова, снова полезли в драку. Крис теперь дрался плечом к плечу с Мальком. Я поразился, глядя, как ловко орудует мечом самый маленький боец нашего острова. Конечно, отбить даже несильный удар

взрослого парня у него не хватило бы силенок. Только он и не собирался их отбивать. Малёк уклонялся. Уже два или три раза вражеский меч выбивал фонтан каменной крошки в том месте, где он только что стоял. Но за мгновение до удара Малёк едва уловимым движением ускользал в сторону.

Все так же держа меч в левой руке, вперед двинулся Януш. А я подошел к Толику. Он посмотрел на меня и кивнул, не удивляясь ни тому, что я тут, ни тому, что не лезу в бой. Ладони он по-прежнему прижимал к животу, и с его пальцев редко и тяжело падали темные багровые капли. На застиранных до белизны джинсовых шортах расплывались неровные пятна, на ногах кровь засыхала длинными потрескавшимися полосками.

– Тебя сильно... ранили? – с противной дрожью в голосе спросил я. И тут же сообразил, что, будь рана серьезной, Толик бы так спокойно не стоял.

Толик примерно моего возраста. Вчера я его сразу заметил, потому что он единственный белобрысый пацан на острове. Волосы у него почти белые, будто выгоревшие, и брови такие же. А сейчас и лицо стало бледным, белизна пробилась сквозь загар, и я увидел, что на лице у него полно шрамов, тоненьких и не очень.

– Ерунда. – Толик облизнул губы, спокойно посмотрел на меня. – Только пить хочется. Вы воды не взяли?

– Нет.

– Жаль... Смотри, как Малёк орудует!

Посмотреть было на что. Меч у Малька маленький, как и он сам, но сейчас здоровенный парень пятился, отступая от него, и беспомощно размахивал своим... нет, не мечом, а чем-то вроде кривой сабли.

– Теперь отмахаемся. Нет, какой молодец Игорек... – Он очень ласково сказал это – Игорек. Так говорят о младших братьях. А потом спросил: – Ты не хочешь попробовать?

Я отчаянно замотал головой. Опять мелькнуло: мы же не солдаты... Толик понимающе кивнул:

– Вначале всегда трудно. Ничего, привыкнешь.

Не хочу привыкать к такому! Я смотрел на дерущихся в нескольких шагах ребят, и на меня накатывала тоска, такая жуткая, какой еще никогда не было.

– Толик, а как получается... у нас же деревянные мечи, но...

– Это только кажется, что деревянные, – отмахнулся он от меня. – Им, с Двадцать четвертого, все представляется наоборот.

– Толик, – я сглотнул застрявший в горле комок, – так, значит, вы убиваете?

Толик взглянул на меня исподлобья и ничего не сказал. Да и зачем, и так все ясно.

А нападавшие тем временем утомонились. Я подумал, что оборона мостов была в общем-то несложной задачей. Главное – чтобы часовых было достаточно и можно было быстренько менять уставших и раненых. Тогда нас вовек не за-

воюют.

И мы никого не завоюем.

Крис отошел к нам, шлепнул меня по плечу влажной, вздрагивающей от усталости ладонью. Он был здорово вымотан, но без единой царапины.

– Молодец, что пришел, – выговорил он, переводя дыхание. – Хочешь попробовать?

– Аппетита нет, – хмуро ответил я.

Солнце жарило в небе, круглое и пронзительно желтое, как перезревший лимон. Далеко-далеко, маленькие и безобидные, катились волны. И пестрели по сторонам разноцветные пятнышки островов. Невесомые паутинки мостов связывали их в причудливый узор.

– Крис, завоевать хотя бы один остров можно лишь чудом. Сорок островов не завоеует никто и никогда.

Крис быстро взглянул на Толика. И тихо, с прорезавшимся акцентом, сказал мне:

– Не делай выводов так быстро. Дома поговорим.

Игорек и Януш уверенно отбивались от врагов. Те и напали уже вяло, больше для порядка. Узенький мост не позволял им навалиться всем сразу, используя преимущество в численности, или фехтовать более виртуозно, побеждая за счет техники. Двое мальчишек могли остановить здесь любую толпу. Как спартанцы в Фермопилах... Рыжие кудри Януша золотились от солнца, он дрался спокойно, сосредоточенно, а Малёк, наоборот, азартно. Но оба они были уве-

рены в себе. Такие драки для них привычное дело...

Среди нападавших особенно выделялся один мальчишка – высокий, худощавый, лет четырнадцати. Этот мальчишка все пытался проскользнуть между Мальком и Янушем, но у него ничего не получалось. И не получилось бы, сколько бы он ни пытался. Вот только он вдруг перестал лезть в драку. Чуть отступив назад, легко вспрыгнул на низенькие перила моста и пробежал по ним. Мы и опомниться не успели, как он оказался в тылу у Януша и Малька.

6. Инга

Он стоял, раскинув для равновесия руки, чуть покачиваясь. Я смотрел на него и никак не мог сообразить, чего же он не спрыгивает обратно на мост. Ясно же, что после этого начнется грандиозная свалка, в которой нас неминуемо сомнут. Думал я об этом спокойно, даже с каким-то восхищением этим парнишкой. У меня в голове еще не укладывалось, что здесь проигрыш равнозначен смерти... А тот мальчишка об этом знал. И он понимал, что победу для своего острова завоюет ценой собственной жизни, что кого-кого, а уж его-то убить успеют. Наверное, вначале, в горячке схватки, он не подумал об этом, а теперь ему стало страшно. Он вдруг жалко, умоляюще улыбнулся и раскрыл рот, чтобы сказать что-то. Может быть, попросить перемирия. Но Крис уже прыгнул к нему, вскидывая свой меч, который мне казался деревянным, а мальчишке с чужого острова – стальным.

Перила были узкими, очень узкими. Мальчишка уже не мог спрыгнуть на мост – он попал бы под удар Криса. Тогда он пригнулся, уклоняясь. И потерял равновесие.

Я вскрикнул, но голоса своего не услышал – закричали все. Мальчишка исчез с моста так быстро, словно его сдернули вниз сильной рукой. Через секунду мы уже перегнулись через перила, не оглядываясь друг на друга, не ожидая удара в спину, мгновенно забыв, кто здесь с какого острова.

Он падал томительно медленно, словно парил в воздухе. Меч мальчишка выронил, и тот кувыркался над ним, отставая и на глазах теряя свой стальной блеск, деревенея. Только сейчас, видя это бесконечное падение, я осознал, на какой высоте находится мост. А мальчишка все падал. Может быть, эти мгновения лишь казались нам бесконечными. Время умеет растягиваться, когда тебе очень страшно...

Мальчишка уже превратился в крошечное пятнышко на фоне воды. «Сейчас...» – с замирающим сердцем подумал я. И тут внизу сверкнула яркая белая вспышка. Это походило на вспышку магния, но его потребовалось бы не меньше килограмма. Даже глаза заболели. Я зажмурился, а когда снова посмотрел вниз, там не было никого.

А потом меня резанул знакомый голос.

– Ребята!

Двадцать четвертый остров шел в атаку. Они были совсем рядом. А Малёк стоял рядом со мной, и по лицу его текла кровь. В него метнули нож.

...Я больше не думал об Игре. Здесь все было настоящее – друзья и море, враги и замки. И выбор был прост – ты или тебя. Я кинулся вперед, и мой меч звонко отбивал чужие удары. Помню, один раз на меня набросились трое – старше и сильнее. Но кто-то – кажется, Толик, – подбежал и встал рядом.

И враги стали отступать. Не думаю, что в этом много моей заслуги. Просто все сложилось вместе – страшная смерть

их товарища, получасовая драка, наше с Игорьком появление... Ну и мои неумелые, наполненные страхом и отчаянием удары, наверное, тоже. Так иногда бывает, и честь победы достается тому, кто просто опоздал к началу схватки...

Я опередил и Толика, и Януша, и Криса. И неожиданно оказался один на один с отставшим противником.

Первое, что бросилось мне в глаза, – он был посветлее других. Не такой загорелый и чуть аккуратнее подстриженный, хоть и длинноволосый. Еще через секунду до меня дошло, что это девчонка лет четырнадцати, и я опустил меч. Не знаю, сумел бы я ударить парня, даже после всего случившегося на мосту... Девчонку я не могу ударить точно. А она стояла, опустив меч, повернувшись ко мне лицом и не пытаясь убегать. Вид у нее был вполне соответствующий: обрезанные чуть ниже колен джинсы, завязанная на животе узлом блузка, волосы, перетянутые на лбу широкой черной лентой. И все равно что-то в ней казалось знакомым, земным. Из той моей жизни, которая оборвалась вчера со щелчком фотоаппарата.

Девчонка стояла и смотрела на меня. Знакомо смотрела. – Инга... – одними губами выдохнул я.

Это было невероятнее всего случившегося. Фантастичнее Игры и пришельцев. Этого просто не могло быть! Ингу я видел всего два дня назад. Да, возможно загореть за пару дней, при желании за тот же срок реально обтрепать одежду и исцарапать руки. Даже с прической можно сделать что-нибудь

такое, от чего волосы покажутся длиннее. Но глаза, выражение лица – они так быстро не меняются! Инга выглядела сейчас гораздо старше. Оттого, наверное, я и не узнал ее сразу...

– Тихо, – шепотом сказала Инга. – Приходи сюда ночью, на мост. И никому не говори про меня.

Она повернулась и бросилась к своим.

* * *

Игорька ранило несильно. Он даже уверял, что ему совсем не больно, словно мы не видели набегающих ему на глаза слез. Крис с Янушем остались на мосту, а мы с Толиком отвели Малька в замок. По дороге Толик рассказывал про Януша. Он здесь недавно, с месяц, его все учат русскому языку, но говорит Януш пока плохо. Толик вспоминал какие-то забавные словечки Януша, хохотал. Мне это казалось диким. Только что мы видели, как погиб мальчишка с соседнего острова, только что рубились насмерть, а он уже смеется. Но и Малёк смеялся, вздрагивая при этом от боли. А у меня перед глазами стояли то падающий в море пацан, то замершая под моим мечом Инга.

В тот вечер ребята вернулись с мостов раньше обычного – на небо набежали тяжелые тучи. Быстро стемнело, и ветер стал холодным. Мы с Толиком стояли на балконе: так я про себя называл опоясывающую замок террасу, с которой и начинались все три моста. На нее же выходили окна наших

комнат, которыми запросто пользовались вместо дверей. Толик весь вечер разъяснял мне, где и что находится, и я уже не слишком путался. Замок был в общем-то небольшой. Комнаты, где мы жили, Тронный зал, кухня, Турнирный зал (я бы назвал это длинное, с высоким потолком и зарешеченными окнами помещение просто спортзалом). Ну, еще множество узких коридоров, подвал под замком и пустые комнаты в сторожевой башне. Честно говоря, мне замок показался снаружи гораздо просторнее. Наверное, большую часть площади занимали толстенные каменные стены.

Толик был весь перебинтован. Ему наложили на раны какую-то белую мазь, и он уверял, что к утру на коже останутся лишь тонкие белые шрамики. Малёк подвергся той же процедуре, но его еще и уложили в постель, а Толика даже не пытались. Не обращая внимания на свои быстро побуревшие повязки, он таскал меня по замку, пока не добрался до балкона.

– Хочешь научиться слушать мост?

Я кивнул, не совсем представляя, чему меня собираются учить. Толик мгновенно растянулся у самого начала моста, прижался ухом к гладким плиткам.

– Ложись и вслушивайся.

Я послушно лег. И услышал слабое глухое потрескивание. Это расходились, остывая, половинки моста. Почему-то мне стало жутко. Похожее ощущение было у меня только однажды, когда я был с классом на экскурсии в самой настоящей

шахте. Ну, не в самой шахте, конечно, а на поверхности. Тогда я подошел к забранному решеткой отверстию вентиляторов, гнавших воздух с полукилометровой глубины. И услышал гул мчавшегося из темноты, из узких запутанных коридоров, ветра. Было в нем что-то такое, что по коже побежали мурашки. Какая-то слепая, равнодушная мощь и незримый холод десятков стальных лопастей, несущих воздух к поверхности.

Так и здесь. В потрескивании сжимающегося камня таилась абсолютно нечеловеческая, тупая сила. Точно так же завтра утром, с восходом солнца, мост начнет сходиться. Словно две каменные руки сойдутся в смертельном рукопожатии, стискивая очередную жертву...

– Впечатляет? – гордо спросил Толик.

Я кивнул, поднимаясь. И вздрогнул, увидев, что на плитках, где лежал Толик, остались влажные темные пятна. Толик перехватил мой взгляд, усмехнулся:

– Да не бойся, Димка. На островах не умирают от ран. Только в бою... Хочешь, развяжу бинт? Сам увидишь, рана уже затянулась.

– Я верю, – честно ответил я. – Не надо.

Постепенно возвращались с мостов ребята. С южного – Крис с Янушем, с восточного – Тимур, Сержан и еще двое ребят, имен которых я не помнил. Самый воинственный вид был, несомненно, у Тимура. Дежурить на мост он ходил с двумя мечами, закрепленными в специальных ножнах

за спиной так, что длинные рукоятки торчали над плечами. Не знаю, действительно ли он фехтовал обоими мечами сразу, но выглядело это внушительно. Да и по возрасту Тимур был старше меня не меньше чем на год. С Сержаном мы были ровесниками, ну а их напарники (из разговоров я наконец-то уловил их имена – Игорь-длинный и Ромка) выглядели немного младше меня. Большинство ребят попадали на острова лет в двенадцать-тринадцать. Малёк, «сфотографированный» в неполные шесть лет, и я, сделавшийся участником Игры в четырнадцать, казались исключениями из правил.

Последними пришли те мальчишки, которые охраняли западный мост. Еще два Игоря, Илья, Костя. Они начали было рассказывать, как на них нападали ребята с Двенадцатого острова, но, встретив иронический взгляд Криса, замолчали. Тогда заговорил наш командир. Он коротко сообщил, что в схватке с врагами двое его товарищей оказались ранены, но мужественно продолжали бой. Меня это немного удивило, но я не стал спорить. Потом он рассказал про Малька – тут все было совершенно правильно, но когда перешел ко мне... Выходило чуть ли не так, что именно я разогнал всех нападавших, спас от смерти самого Криса, а вдобавок еще проявил редкостное благородство, пощадив оцепеневшего от страха противника. У меня даже слов не нашлось, чтобы ему возразить. Да к тому же, услышав про «оцепеневшего противника», я едва удержался от того, чтобы сказать,

сколько лет с ним знаком... Конечно, если мне не померещилось.

Внезапно я засомневался, действительно ли встретил на мосту Ингу. Вспомнилось, что она так и не назвала меня по имени. Ну а предложение встретиться ночью, тайком... Это вполне подходило для девчонки, прожившей на островах несколько лет и пораженной тем, что ее вдруг пощадили в бою, но совсем не подходило для Инги. Она в таких вопросах никогда не проявляла инициативы...

Прервало мои размышления появление Риты. Она постояла немного среди нас, о чем-то шепотом спросила Крису, а потом громко позвала:

– Ребята, ужинать.

Повторять приглашение ей не пришлось. Мы перешли в Тронный зал и набросились на еду. Мясо, хлеб, картошка, огурцы. Чай с конфетами... Это уже было чересчур. Ладно, где-то в глубине острова могли расти пшеница и картофель. Но конфеты – дешевая и приторно-сладкая карамель в блеклых обертках, – они-то на деревьях не вырастут! Я разглядел обертку – на ней не оказалось ни единого слова. Просто рисунок: синие морские волны, а в них зеленый островок... Наклонившись к сидящему рядом Толику, я прошептал:

– Слушай, откуда все это?

– От хозяев, – спокойно ответил он.

– От кого? – не понял я.

Толик, дожевывая кусок мяса, разъяснил:

– Да от пришельцев.

Наверное, в голове у меня сработал какой-то предохранитель, потому что я перестал удивляться. Всю порцию удивления, отпущенную мне на этот день, я уже израсходовал и теперь спокойно выслушал рассказ о кухонных шкафах, в которые каждый вечер складывают остатки пищи, а утром на полках находят свежие продукты, мыло, затягивающую раны мазь, свечи. Иногда – новые мечи.

За окнами быстро темнело. Все разбрелись по замку, и в Тронном зале осталось человек пять. Игорь-Меломан замер у окна с надетыми наушниками. Я хотел было попросить у него плеер, но не решился. Из всех ребят Меломан казался самым замкнутым и молчаливым... По всему замку зажгли свечи, и это получилось неожиданно красиво: на розовом мраморе стен задрожали загадочные тени, потолок исчез в полутьме, в оконных стеклах затанцевали отраженные язычки пламени. Тимур вытащил откуда-то затрепанную книжку, примостился у стола, где горел втиснутый в стакан целый букет свечек, и принялся читать. Игорь-длинный и просто Игорь сели играть в шахматы. Из любопытства я несколько минут наблюдал за игрой. Впрочем, больше игры мне понравились сами шахматы – очень красивые и по виду старинные.

Крис подошел ко мне сзади и обнял за плечи.

– Нравятся?

– Шахматы? Ага.

– Это я сюда с ними попал, – с заметной гордостью сказал

Крис. – Тут все вещи только те, что были у нас с собой. Может, сыграем?

– Спать хочется, – почти искренне ответил я. Почти, потому что спать мне ужасно хотелось, но делать я этого не собирался.

– Ну ладно, – подозрительно легко согласился Крис. – Я тебя провожу до комнаты.

Мы вышли в коридор. Здесь было множество высоких незастекленных окон, в которые тянуло прохладой.

– Как по-английски «очень холодно»? – спросил я.

– Итс вери коулд, – рассеянно ответил Крис. Потом остановился, взял меня за руку, посмотрел сверху вниз своими жесткими серыми глазами. – Димка, ты очень умный парень, но... Никогда не повторяй того, что ты сказал мне на мосту. Никогда.

– А что я сказал?

– Что невозможно завоевать сорок островов.

– Но...

– Да, ты прав. Сорок островов не завоюешь. Это все понимают, хотя обычно не так быстро. Но вслух этого не говорят. Иначе жить не захочется. Понял?

Я понял. А еще я понял, что для горя и страха нет таких предохранителей, как для удивления. Как бы ни было грустно, но может быть еще хуже. И от того, чтобы не разреветься как маленькому, меня удерживало только одно – Инга.

7. Двойники

Хорошо, что Малёк спал, когда я зашел в комнату. Крис сказал, что я буду жить в ней, а Тимур, занимавший ее раньше, пойдет на место Криса. Ну а наш командир найдет себе комнату где-нибудь в сторожевой башне. Он был хороший парень, Крис, наш предводитель в замке Алого Щита на Тридцать шестом острове...

Я лег на кровать. Эта ночь была прохладной, и кто-то положил на кровать одеяло. Оно было толстое, наверняка теплое, но я не стал в него кутаться, чтобы не уснуть. Я лежал и думал, что завтра с самого утра мне придется дежурить на каком-то мосту, и не просто дежурить, а драться, может быть, даже убивать. А иначе погибну сам. Толик уже успел мне рассказать, что некоторые ребята, попав на остров, так и не решались драться по-настоящему, пытались помирить острова и гибли...

— Крис хитрый... — вдруг пробормотал Малёк. Потом еще что-то неразборчивое, сразу понятно — во сне. Повернулся на другой бок, в слабом свете из окна забелела его перевязанная голова, и сказал: — Не надо, он и так ничего не сделает...

Я осторожно встал, наклонился над Игорьком. Спит. Послушал, но он больше ничего не сказал. Тогда я поправил на нем одеяло и отошел к окну. Оно было очень низко от пола, а открылось совсем легко, обдав меня холодным ветром. Я

закрыл его, искал свитер, оделся и лишь после этого выбрался из комнаты на террасу.

Небо затягивали тучи, но в одном месте они разошлись, и там мерцало незнакомое созвездие – ровный кружочек из ярких звезд. Не знаю, как в Южном полушарии, а наше небо такие созвездия не украшали. Я имею в виду земное небо...

– Нарекаю тебя Оком Пришельца, – прошептал я и хихикнул. Честно говоря, мне было не по себе.

Белесый силуэт замка быстро растаял в ночи. В нем не светило ни одно окно, а света редких звезд, проглядывавших сквозь тучи, было мало. Мне показалось, что чуть заметно светятся сами тучи. А потом я перестал думать про тучи и звезды, так как середина моста приближалась, и я рисковал угодить в раскрывшийся на ночь проем. Замедлив шаги, я крепче прижал ладонь к перилам. Узкая мраморная полоска оказалась почти горячей. Она остывала и делилась со мной накопленным за день теплом... Вытянув руку вперед, я медленно шел в темноте, готовый в любой момент, почувствовав под пальцами пустоту, остановиться. Но мост все не кончался и не кончался, упорно поднимаясь вверх.

Пройдя еще немного, я понял, что беспокоился зря. Инга захватила с собой фонарь.

Она сидела на своей половине моста, свесив ноги в пустоту. Между нами была пропасть метров пять шириной, а на дне этой пропасти еле слышно билась вода. Рядом с Ингой стоял древний жестяной фонарь с толстой свечой внутри и

лежала смотанная веревка.

– Это ты? – Она даже не удивилась. Подняла фонарь повыше, рассматривая меня, потом стала разматывать веревку. Я сомневался зря, это была Инга. – Держи!

Скользкая нейлоновая плетъ хлестнула меня по ногам, исчезая в проеме. Я поймал конец веревки со второго или третьего раза, обвязал вокруг перил со своей стороны, а Инга – со своей.

Подергав веревку несколько раз и, видимо, удовлетворившись результатами, Инга недоуменно спросила:

– Дима, а чего ты еще ждешь? Или перебираться тоже предоставишь мне?

Только теперь я сообразил, что мне придется сделать. Проползти по веревке несколько метров – это, конечно, не подвиг. Если веревка натянута над тихой речушкой или мягкими поролоновыми матами... А здесь было беспокойное ночное море и сто метров высоты.

Я обхватил веревку. Взглянул на неподвижную фигурку Инги. И пополз. Нет, страха я не чувствовал. Наверное, потому, что в темноте невозможно в полной мере ощутить высоту и представить последствия падения.

Когда я оказался на чужой части моста, мои пальцы никак не хотели отпускать влажный нейлоновый шнур. Вцепившись в него, я молча смотрел на Ингу.

– Я так и думала, что ты легко перелезешь, – сказала она. После таких слов обратная дорога перестала меня волно-

вать. Я небрежно пожал плечами:

– Ерунда... Упражнение для первоклассника. Ты не замерзла?

На Инге была темно-синяя штормовка, размера на два больше, чем следует.

– Нет.

Мы замолчали. Я отвел глаза от Ингиного лица, подвинул ногой фонарь, стоящий слишком близко к краю моста. Как-то странно начинался у нас разговор. Будь на месте Инги знакомый мне мальчишка, мы бы сейчас хохотали и орали во все горло. Даже с любой из своих одноклассниц я чувствовал бы себя свободнее. А с Ингой, хоть мы и дружим с самого детства, у меня уже целый год такая чертовщина.

– Удивительно, что мы попали сюда вместе, – начал я.

– Удивительно, что мы вообще здесь, – поправила Инга.

Я начал немного злиться. Она что, не может хотя бы завизжать от радости, что мы встретились? Стоит и смотрит поверх головы, словно ей нестерпимо скучно... Я взглянул на нее. И вдруг понял, что Инга вовсе не спокойная или равнодушная. Она вся сжата, сдавлена какой-то болью или страхом.

– Инга... Что с тобой? – растерянно спросил я.

Она наконец-то посмотрела мне в глаза.

– Дим... Как у меня дома? Родители сильно... волнуются?

– Не знаю, я давно у вас не был...

– Целый месяц?

– Какой еще месяц?

Я подумал, что родители Инги непременно позвонили бы моим, когда она исчезла. Да и у меня спросили бы, не знаю ли я, где она может быть...

– Какой еще месяц? – переспросил я. – Мы три дня назад по телефону разговаривали. А у вас дома я был на той неделе, когда мы в кино ходили.

– На той неделе я в кино не ходила. Я на кухне дежурила, в нашем замке.

– А с кем же я тогда смотрел кино?

– Не знаю. – Инга фыркнула. – Вспомни, тебе лучше знать.

Я оперся о перила. Вкрадчиво спросил:

– Инга, ты давно на острове?

– Месяц.

Меня это даже не удивило. Видимо, я начал догадываться.

– Инга, неделю назад мы ходили в кино. Потом несколько раз болтали по телефону и видели друг друга в школе. Я попал на остров два дня назад.

Инга протянула руку, коснулась моих пальцев. Я вздрогнул.

– Дим, ты правду говоришь или так... чтобы я не волновалась?

– Инга, нас никто с Земли не крал. С нас сняли копии.

– Значит, мы двойники?

– Ага.

Инга вдруг заулыбалась. Первый раз с тех пор, как мы

встретились. Весело и беззаботно, словно все неприятности остались позади.

– Нам от этого никакой пользы нет, – хмуро сказал я. – Пусть даже наши двойники дома, но мы-то здесь!

Глаза у Инги сделались удивленными. Она негромко произнесла:

– Как это «пусть даже»... А родители? Тебе их не жалко?

Я почувствовал, как краснею. Конечно, если дома остались наши двойники, то ни мама, ни папа не волнуются, они не знают, куда я попал. Инга правильно обрадовалась... Но внутри у меня все переворачивалось от мысли, что я – это не я, а всего лишь копия. Так обидно мне еще никогда не было. Хотя, по сути, обижался я сам на себя.

А Инга на глазах становилась прежней. Улыбка ее стала задорной и немного хитрой.

– Димка, я так рада, что ты сюда попал...

– Спасибо.

Мы засмеялись. Инга щелкнула пальцами по нейлоновому шнуру, натянутому как струна. Сказала:

– Теперь можно придумывать, как отсюда сбежать.

– Как?

– Ну, в принципе есть всего два пути, – разъяснила она. – Или завоевать все острова...

– Не получится.

– Или разыскать пришельцев и всыпать им.

Я закашлялся, сдерживая хохот.

– Ин... Инга... Ты гений. Всыпать... Именно всыпать. Ты еще не пробовала этим заняться?

– Нет, – очень спокойно ответила она. – Я старалась не рисковать. Я же не знала, что дома осталась другая Инга.

Она сказала это твердо, как бы все объясняя. И по этой твердости я понял – уж теперь-то она не будет «стараться».

– Инга, но если с нами что-то случится здесь, то... случится по-настоящему. Мы другие люди, не те, которые остались дома. Ты не боишься?

– Чего? На Островах нет никого старше семнадцати лет. Мы сможем прожить года три-четыре, а потом...

Она замолчала. Тряхнула головой, отбрасывая с глаз челку.

– Меня это не устраивает.

Секунду я с удивлением смотрел на нее. Она смелая девчонка, но именно девчонка. И склонности к подобным авантюрам у нее никогда не было. Нет, месяц на острове не прошел для нее бесследно.

– Инга, мы попробуем. Или завоюем... или всыплем.

– Но тогда нам нужно действовать в полной тайне.

8. Секретный план

Я удивился.

– В полной тайне? От пришельцев, что ли? Тогда не стоит об этом договариваться здесь, на свежем воздухе. Надо было мне пойти в ваш замок. Да и с остальными ребятами стоит посоветоваться.

Инга иронически посмотрела на меня и сказала:

– У вас там сегодня один мальчишка дрался. Маленький такой, а дрался здорово...

– Это Малёк. Я с ним в одной комнате живу.

Инга вздрогнула.

– Он спал, когда ты ушел?

– Да...

– Точно?

– Точно! – Мне передалась ее тревога.

– Димка, ты сам подумай! Как он может драться? Сколько ему лет?

– Одиннадцати нет... – пробормотал я. – Но он же давно на острове, вот и научился фехтовать...

– Да при чем тут фехтование! Ему десять с полтиной, он от пола метр с кепкой, руки-ноги как спички! А ударишь по его мечу – словно по железной трубе. Он даже с Раулем дрался, тот не смог у него меч выбить! А Раулю было пятнадцать, он на Кубе штангой занимался. Брал меня и еще трех девчо-

нок на руки – и подымал! Рауль и сказал однажды, что тут нечисто. А на другой день его в бою убили...

– Кто?

– Этот... Что двумя мечами машет.

– Тимур?

– Да. Смешливый, смуглый... И как вышло-то! Рауль опять начал драться с Мальком, и тот вдруг упал. Рауль хотел ударить, да заколебался... А ваши поперли всей толпой. Они, видно, все любят этого... Малька. Ну и...

Игорек – и что-то подлое? Это не укладывалось у меня в голове. Но все сходилось.

– Инга, а у вас такие есть?

– Таких нет. Есть Генка. Он уже десять лет на острове.

– А у нас Крис и Тимур по семь лет...

– Вот. Это тоже очень странно. Здесь ведь и день прожить трудно.

Я закрыл глаза. У меня внутри сейчас было пусто, как в космосе. Попадись мне пришелец, я бы его без всяких мечей скинул с моста.

– Инга, ты всегда ходишь дежурить на мосты?

– В дозор? Нет, редко. Иногда наши мальчишки просят прийти меня или Лорку. Чтобы мы их подбадривали своим присутствием.

Меня что-то кольнуло. Мы с Ингой дружили и ссорились, мирились и снова находили повод для споров. Но никогда не оказывались врагами. А в проклятом мире Островов нас раз-

делила граница куда серьезнее, чем разведенный мост. На ее острове я могу стать лишь рабом, пленником, который никогда не вернется на Землю. И для Инги Тридцать шестой остров никогда не окажется домом. Мы даже не предлагаем друг другу перейти на свой остров. Понимаем, что это невозможно. Инга будет и дальше ходить «в дозор» на Двадцать четвертом и кормить мальчишек, которые дерутся со мной и моими друзьями.

– Что же ваши так чесанули днем? – насмешливо спросил я. – Оставили тебя прикрывать отход?

– Я сама осталась, чтобы с тобой поговорить.

Око Пришельца с издевкой глядело на нас с неба. Временами его закрывали тучи, и казалось, что звезды лукаво подмигивают. Поболтайте, детишки, поболтайте в свое удовольствие...

– Инга, а как ты попала на острова?

– Как все.

Ей явно не хотелось вспоминать. Но я не унимался:

– А именно? Вот меня подловили возле парка...

– А меня в парке. Я гуляла с Лайной.

Лайна – это ее собака. Большая, красивая и абсолютно безобидная шотландская овчарка.

– Так вы вместе попали сюда?

– Нет... Какой-то идиот подошел в парке и говорит: «Можно сфотографировать собаку?» Я разрешила. Он походил вокруг, потом попросил подержать собаку, чтобы не

вертелась...

Я заметил, как задрожали у Инги губы. И прекрасно ее понял. Была в наших похищениях до боли обидная отретированность.

– Потом темнота – и шлепнулась в воду.

– В воду?

– Да, у нас специальный бассейн вырыт, чтобы никто не разбился. Ко мне подбегает Лорка... ну, тогда-то я ее не знала. А я встаю и думаю, что мне все снится...

– Инга, давай решим, чем займемся в первую очередь, – быстро сказал я. Слишком уж изменился у нее голос. В книжках герои всегда утешают плачущих девушек, но я во все не был уверен, что вспомню, какие слова при этом говорят.

– Давай...

– Надо побольше разузнать про острова. Сколько лет они существуют, кто и на каких островах живет. Нет ли другого оружия, кроме мечей и арбалетов. Пробовали договориться между собой или нет. Если пробовали – что из этого получилось. Карту хорошо бы нарисовать.

– Ладно.

– Есть ли другие острова, на которых никто не живет. Как выглядят пришельцы, кто их видел. Есть ли здесь птицы, а если есть, то откуда прилетают. Действует ли компас... впрочем, это я сам проверю. Какие полезные вещи есть на островах... У нас один мальчишка с плеером ходит, например.

– У нас тоже есть магнитофон, но у него батарейки сели... Дима, а почему так сильно натянулась веревка?

Я с удивлением взглянул на пересекающий проем моста шнур. Он не просто натянулся, он топорщился расплзающимися нейлоновыми волосками и тихо звенел на ветру, как собирающаяся лопнуть струна.

– Инга, мы ротозеи, – выдохнул я, дергая сбитый в тугой комок узел. – Мост все еще расходится и натягивает веревку. Надо ослабить ее...

Узел не поддавался. Растянутый нейлон превратился в совершенно однородную, неподвластную пальцам массу. Я вцепился в него, срывая ногти, потянул изо всех сил. Безрезультатно.

– Я полез назад.

Веревка под пальцами казалась жесткой, как стальной трос.

– Димка, не надо!

Инга попыталась меня остановить, но было уже поздно. Я торопливо полз, болтаясь под ненадежной, доживающей последние мгновения веревкой.

– Дурак! Это не храбрость, а глупость! – крикнула мне вслед Инга, когда я уже оказался на своей половине моста.

– Ничего, нейлон так легко не рвется, – бодро возразил я. – Что же мне, до утра ждать оставалось? Она, может, и вообще не порвется...

Веревка лопнула с тонким звенящим визгом. Короткий

обрывок, оставшийся на перилах с моей стороны, как резиновый, стегнул меня по руке. Я ойкнул.

– Больно? – испуганно спросила Инга.

– Нет... – выдавил я, мотая рукой в воздухе. – Не очень...

– Жалко.

– Не злись... Встретимся здесь же, послезавтра ночью, ладно?

Инга присела, начала отвязывать веревку со своей стороны. Негромко сказала:

– Веревку сам принесешь.

– Есть!

– И дежурь на других мостах. Вдруг я здесь опять... окажусь.

– Так точно.

Повернувшись ко мне, она приготовилась было что-то сказать. Но передумала. Состроила презрительную гримасу, подхватила фонарь, остатки веревки и пошла к своему замку.

Я пожал плечами. И чего она обиделась? Сама ведь заявила, что нам придется рисковать.

Малёк вроде бы спал, когда я вернулся. Едва опустившись на кровать, я провалился в тяжелый беспробудный сон. И тут же почувствовал, как меня трясут за плечо.

– Димка! Вставай!

В окно било солнце. От ночного холода не осталось и следа, сброшенное мной во сне одеяло валялось на полу. Малёк

сидел на краешке моей кровати.

– Пошли завтракать...

Я сел и протер глаза. Посмотрел на Игорька. Он водил босой ногой по полу, вычерчивая непонятные фигуры.

– Что у тебя глаза красные?

– Мыло в глаза попало, когда умывался. Нам такое едучее мыло сегодня прислали...

– А книжки так не присылают? Или нормальную одежду?

– Нет.

– Жалко. – Я окончательно проснулся и встал с постели. – Пойдем.

Завтрак был самый обычный. Словно в каком-нибудь военном-спортивном лагере. Только вместо бутафорских автоматов – деревянные мечи, вместо дырявых брезентовых палаток – мраморные стены Тронного зала. Да и черную икру не дают на завтрак ни в одном лагере. Девчонки принесли икру торжественно и важно, поставили посреди стола здоровенную хрустальную вазу, с горкой заполненную черными зернышками.

– Глядите, что нам прислали!

Все оживились. Тимур пробурчал: «Уже месяц не было икры, жмоты все-таки эти пришельцы...» Я набрал полную ложку и мимоходом подумал, что на этой планете пришельцы-то как раз мы. Сержан ехидно спросил у пухлой светленькой Леры, чего она так сияет, словно сама метала эту икру? Лера обиделась, и Крис легонько съездил Сержану по затыл-

ку. Тот сразу извинился перед Леркой. Он был не злой парень, но язык у него работал немного быстрее головы, причем работал без усталости, а авторитетом для Сержана служил лишь Крис.

* * *

В то утро я первый раз присутствовал на «разводе». Так, по-военному, называлось распределение постов – кому какой мост защищать сегодня. Крис сразу сказал, чтобы Костя оставался в замке, помогал девчонкам: те хотели устроить уборку. Костя, невысокий худощавый мальчишка, поморщился, но спорить не стал. Сержан, Малёк, Януш и сам Крис решили идти на южный мост. Видимо, Крис опасался нового нападения, вот и взял в свою команду лучших бойцов. Самых лучших... Я невольно посмотрел на Малька. Права Инга. Даже если бы Игорька с колыбели учили драться на мечах, не мог он сладить с почти уже взрослыми ребятами...

Я вместе с Игорем-длинным, просто Игорем и Ромкой попал на восточный мост. Ну а Толик, Меломан, Илья и Тимур должны были дежурить на западном мосту.

Крис прошелся мимо нас, осмотрел мечи. Мне дали в меру длинный, с широким прямым клинком и круглым, прикрывающим всю кисть эфесом. Тимур сказал, что для начинающего – это самое удобное оружие. Трудно было поверить,

что в бою забавная деревянная игрушка станет настоящим оружием.

– Вроде все в порядке. – Крис посмотрел на солнце. – Ого, уже высоко. Пошли, а то мосты сойдутся.

– Пойдем, – с непонятной иронией сказал Сержан. – Правда, Малёк куда-то делся.

Лицо у Криса чуть дрогнуло.

– Ну что за несерьезность... – пробормотал он.

Прибежал Малёк.

– Я пить ходил, – деловито объяснил он.

Крис кивнул.

– Пойдем. Только... Тим, поменяйся местами с Димой. Зря я его поставил на восточный мост, там опаснее, чем на западном, а дерется он еще плохо.

Тимур не стал спорить. А мне было все равно. Главное – не на южный мост, где может оказаться Инга. Не очень-то джентльменским, что ни говори, оказался ее остров. На нашем девчонки в схватках не участвовали ни в коем случае, хоть фехтовать и умели. Перед завтраком я сам видел, как Тимур фехтовал с Ритой. Мечи у них оставались деревянными – бой был несерьезным, тренировочным...

Крис хлопнул переминаящегося с ноги на ногу Малька по плечу:

– Пойдем.

9. Беда

Вспоминая вчерашнюю драку на мосту, я готовился к чему-то подобному. Как бы не так! Мы неторопливо дошагали до середины моста и остановились. Там уже сидели (кто на перилах, кто прямо на мосту) трое мальчишек, причем один – у меня глаза на лоб полезли – был негр. Этот негр на вполне приличном русском языке нас окликнул:

– Тридцать шестой! Вы долго спать, мы уже решили хотеть вас будить!

Толик дружелюбно помахал ему рукой:

– Нас будить не надо, Салиф, мы всегда готовы.

– А-а, пионеры всегда готовы... – хохотнул негритенок.

Мы остановились метрах в десяти от этих мальчишек. Илья зевнул и, посмотрев на небо, пробормотал: «Ну и жарит сегодня», после чего растянулся на горячих мраморных плитах. Двое пацанов с Двенадцатого острова немедленно слезли с перил и последовали его примеру. Только чернокожий Салиф продолжал стоять, облокотившись на перила и постукивая по ним длинным кривым ножом. Толик, перехватив мой взгляд, крикнул:

– Салиф, у нас новенький, дай ему свой ятаган посмотреть. По-честному.

Я думал, что Толик смеется. Но Салиф пригнулся и пульнул нож по гладкому мраморному настилу; тот остановил-

ся у самых моих ног, едва не трахнув по пальцам. Я подобрал нож... и обомлел. Прямо в моих руках он становился деревянным. Рукоятка из белой кости и сверкающее стальное лезвие тускнели и словно бы расплывались. Я провел деревянным лезвием по руке. И заработал занозу. Толик захохотал, а я со злостью кинул ятаган обратно. Салиф ловко подхватил его, когда нож уже готов был улететь вниз, и укоризненно покачал головой. Мне стало неловко, и я спросил:

– Салиф, откуда у тебя такой нож?

– Это народное оружие моего племени, – улыбаясь во весь рот, ответил он.

Я посмотрел на Толика:

– Разве ятаган – африканское оружие?

Салиф заржал так, что его, наверное, на Островах было слышно. Толик хмыкнул.

– Африканское... Ты думаешь, он из Африки?

– А...

– Бэ. Перед тобой гражданин Соединенных Штатов Америки. Зовут его, насколько я знаю, Джордж, а родом он из города Чи...

– Толэк! Я буду с тобой воевать! – немедленно отозвался «африканец». – Ты раскрыл моя военный тайна.

– Ладно, Салиф. Не буду...

Толик посмотрел на меня и сказал уже потише:

– Ты привыкай, Димка, что здесь все от скуки лезут на стену...

– Хорошо когда на стену, плохо когда на мост, – вдруг произнес Игорь-Меломан. Он стоял, полузакрыв глаза, в ушах у него торчали проводки от плеера. Магнитофончик висел на груди, и панелька солнечных батареек была подставлена свету. Оказывается, он еще ухитрялся слушать наш разговор.

– Так вот, – продолжал Толик, – скука здесь жуткая, одни от нее лезут на стену, другие – на мост и кидаются в драку, третьи прикидываются юными воинами из племени людоедов. Салиф тебе много бы нарасказывал, не останови я его. А ятаган, это, конечно, турецкое оружие. Их Двенадцатый остров граничит с Четырнадцатым, там почти все из Турции. То ли они верят, что завоюют все острова, то ли еще что, но Джо... Салифу с друзьями приходится туго. На наш мост они ходят как в санаторий, отдохнуть и позагорать. Мы не против. Так что этот мост – местечко тихое.

– А вчера ребята говорили...

– Это Илюшка с Костей? Верь им больше.

– Но-но, – отозвался Илья. – Вчера у нас был страшный бой...

Постепенно мною овладевала сонная ленца. Подул ветерок, но он был жарким и не принес бодрости. Я немного позагорал, немного побродил по мосту, поглядывая вниз. Голова от этого уже почти не кружилась, наверное, я стал привыкать. Потом со сторожевой башни нашего острова дважды сверкнуло.

– Сейчас обед принесут, – пояснил Илья. – У нас там стоит большое зеркало, вроде как световой телеграф получается.

Я кивнул, разглядывая его очки. Одна дужка у них была прикручена проволочкой, оба стекла треснули.

– Илья, твоим очкам сколько лет? – не удержался я.

– А это не мои. Я свои разбил через месяц, как сюда попал. А это трофей, их для меня Крис добыл год назад. Правда, тут стекла не те, слабоватые, но все равно лучше с ними...

Как Крис добыл очки, я спрашивать не стал. Понятно, что по доброй воле никто бы их не отдал.

– Очкарикам здесь сложно, – сказал Игорь. – Как очки разобьют, так и хана... А еще больным плохо приходится, разным сердечникам да диабетикам. Лекарств-то нет. На Тридцатом острове попался один такой, через неделю умер. И не в бою, а так...

– Ты бы без своего магнитофона умер, – парировал Илья. – Вот подожди, сломается что-нибудь или кассеты протрешь до дырок, и конец. Ляжешь на кровать и через неделю помрешь.

– Дай послушать, – попросил я Игоря. Тот охотно протянул пластмассовую коробочку.

– На. А то у меня всего три кассеты, никто их уже слушать не хочет.

Я надел наушники. И услышал хриплый мужской голос, который пел, словно выстреливал короткими, нервными фразами:

В мутном зеркала овале
Я ловлю свое движенье,
В рамке треснутой поймали
Нас с тобою отраженья...

– Это «Спираль Времени»?

Он молча кивнул. Лицо у него стало довольным. А в наушниках все билась мелодия, жесткая, сильная, я даже напрягся, словно перед дракой или прыжком в холодную воду...

И не вырваться, не скрыться,
Мир прилип к холодной грани,
И смеются наши лица
На заплаканном экране.
И за тенью зазеркальной
Повторяем мы движенья,
Выпал случай уникальный:
Нас поймали отраженья...¹

Кассета докрутилась до конца, я хотел было перевернуть ее, но тут увидел идущую по мосту Таню. Она тащила здоровенную кастрюлю – обед. Я посмотрел на наших «врагов» – к ним тоже шел мальчишка с тяжелой по виду сумкой.

Мы неторопливо пообедали. Поделились с Двенадцатым

---

¹ Автор текста Елена Rain.

островом хлебом, а они угостили нас яблоками. Таня еще покрутилась среди нас, ей явно хотелось остаться подольше, но Толик без всякой жалости прогнал ее обратно, разъяснив:

– Мала еще. И не положено девчонкам на мостах дежурить.

– На Втором острове положено! – обиженно протянула Таня.

– Девчоночьи сказки, – отмахнулся от нее Толик. И разъяснил мне, что про Второй остров, который очень далеко отсюда, ходят такие слухи, будто бы там у власти одни девчонки, а мальчишек они выгоняют с острова или даже убивают.

Таня ушла. Мы опять принялись бездельничать. Солнце медленно ползло к воде, а ветер, словно дожидался этого момента, делался все сильнее. Я поежился, во-первых, потому что стало холоднее, во-вторых, потому что мост начал тихонько раскачиваться, и от этого делалось жутко.

– Как на качелях, – сказал Илья. Его это забавляло. – Вот во время шторма на мосту интересно. Иногда волны до самой середины дохлестывают.

– Здесь же сто метров высоты!

– Увидишь.

И в этот момент на башне нашего замка сверкнуло, в глаза ударил солнечный зайчик.

– Черт... – Толик вскочил, вглядываясь в башню. Прошло с полминуты, прежде чем сверкнуло снова.

Илья поморщился. Меломан снял наушники плеера. Ре-

бятя с Двенадцатого острова насторожились.

– Салиф! – Толик положил меч на мост и пошел вперед. Негр, чуть поколебавшись, оставил свой нож и шагнул ему навстречу. Несколько минут они неторопливо разговаривали, затем Салиф повернулся к своим и громко, чтобы все слышали, сказал:

– Ребята, идите к замку. Проверьте, как дела на северном мосту. Я один подежурю.

Те, ни слова не говоря, пошли к своему острову. А Толик быстро пожал Салифу-Джорджу руку и подошел к нам. Лицо у него было непривычно встревоженным.

– Игорь, подежуришь один?

Игорь молча кивнул. Тогда Толик коротко бросил нам с Ильей:

– Ноги в руки – и вперед.

Я не стал ничего спрашивать. Видимо, один сигнал означал срочный сбор на острове...

Пока мы неслись к замку, я подумал, что по мостам либо плетутся еле-еле, либо бегут сломя голову. Середины не существовало. И мы бежали изо всех сил, а солнце уже опускалось в море, и небо багровело, словно наливалось кровью.

Первыми к острову прибежали ребята, дежурившие на южном мосту. Когда подросли мы, то увидели тесно сбившийся возле восточного моста кружок. Там были девчонки, Тимур, Сержан, Януш... все. Они не дрались, не разговаривали. Они стояли и смотрели на что-то, лежащее меж-

ду ними. У меня вдруг стали подкашиваться ноги. Наверное, я слишком быстро бежал... Вслед за Толиком, который неожиданно грубо растолкал ребят, я втиснулся в кружок.

На мраморной террасе, которая стала багровой, как заходящее солнце, лежали Ромка и Игорь. Тот, который просто Игорь... У Ромки была рана на груди – узенькая полоска с запекшейся кровью. А у Игоря что-то с головой, что-то такое страшное, что я не смог посмотреть внимательнее. Меня начало подташнивать.

Сержан вдруг схватил Тимура за плечи:

– Где Остап?

Я не сразу понял, что он про Игоря-длинного, его фамилия была Остапенко.

– Он прыгнул с моста. Его ранили... – Тимур попытался освободиться из рук Сержана, это у него не вышло, и добавил: – Смертельно ранили.

– Где Костя? – никак не реагируя на его слова, спросил Сержан.

– В замке, – ответила Рита. – Наверное, тоже... У него стрела в груди сидит, мы вытаскивать побоялись...

Сержан закричал изменившимся голосом:

– А ты почему живой, Тимур? Они дошли до замка, а ты драпал?

– Оставь его! – Рита оттолкнула Сержана. – Тим все делал правильно. Остынь.

Илья негромко произнес:

– Чего ругаться-то, теперь всем крышка...

10. Безумный Капитан

Мы похоронили ребят в дальнем конце острова, за лесом. Крис и Малёк, они пришли, как только село солнце, помогли Сержану и Янушу рыть песок. Неглубоко, потому что под песком был камень. Я стоял в стороне и с внезапным ужасом понимания думал, что на их месте мог оказаться и я. Ведь на этот мост вначале выпало идти именно мне... Я почти не знал погибших ребят – ни Ромку, ни обоих Игорей, – просто не успел еще с ними подружиться. Но мы бы подружились, я это чувствовал. Игорь-длинный был моим ровесником, а Ромка с Игорем помладше, но они были веселыми ребятами и еще утром над всеми подтрунивали. Только тогда я ничего этого не понял, я никого из них не знал...

Я не хочу врать, что мне стало очень горько. Если бы убили Криса, или Толика, или Игорька, вот тогда я заплакал бы, и не от страха, а от жалости. А сейчас у меня жалость была такой, словно при мне кого-то сбила машина. И жалко, и суетишься, пытаешься помочь, но знаешь, что через день-другой в памяти не останется боли. Я злился на себя за такие мысли и все пытался почувствовать настоящее горе. Но ничего не получалось. Во мне были только страх, сострадание к молчаливому стоящему рядом Тимуру, эта самая недолгая жалость да еще стыд перед Ромкой и Игорем, что я не могу вот так разреветься, как Толик. Потом мы еще немного

постояли, не решаясь уходить, словно бросить ребят одних было бы предательством. Януш тихо шептал, и я решил, что он молится. В Польше многие верят в Бога.

...Уже в замке Тимур рассказал, как все было. Они сразу, с самого утра, почувствовали неладное. Обычно Тридцатый остров выставлял на мост троих-четверых, а сегодня пришли семеро. Но до самого вечера «тридцатка» в драку не лезла. Наверное, выжидали, пока ребята расслабятся. И дождались. Оставался какой-то час дежурства, когда один из мальчишек с Тридцатого стал уходить обратно, к своему замку. Это был обман. Он отошел шагов на пять, за ним перестали следить, а он вдруг резко повернулся и выстрелил из арбалета, который держал в руке. Стрела попала в плечо Игорю-длинному, но тот все-таки выстрелил в ответ, и даже удачно: враг упал или убитый, или тяжело раненный.

Но у «тридцатки» был еще один арбалетчик, он выстрелил в Игоря и попал тому в голову. Игорь упал, он сразу потерял сознание. Его ударили по лицу еще раз, мечом, но тут Ромка бросился вперед и заколол одного из нападавших. Другие стали отступать, и Ромка кинулся следом, не сообразив, что будет один против пятерых. Его ударили в грудь, подоспел Тимур и оттащил Ромку назад. Положение было жутким. Один Игорь был ранен в руку, другой без сознания, а у Ромки кровь даже не текла, а хлестала из раны. Наверное, удар пришелся по какому-то сосуду, и Ромка хоть и оставался в сознании, но слабел с каждой секундой. Тогда Игорь-

длинный взял меч в левую руку и велел Тимуру уводить раненых. Игоря приходилось нести на спине, Ромка вначале шел сам. Потом ослабел вконец, и Тимур стал волочить обоих, хорошо еще, что под уклон. Оглядываясь, он видел, как Игорь-длинный дерется левой рукой. Его почти сразу прижали к ограде моста, и тогда он отбросил меч, схватил одного из нападавших и вместе с ним перекинулся через перила. А Тимур был уже у самого замка, когда увидел, что для Ромки Игра кончилась навсегда. Навстречу ему выбежал Костя, помог дотащить ребят. Девчонки пытались перевязать Игоря, но тот вдруг начал задыхаться, и они ничего не смогли сделать...

Тимур с Костей сумели оттеснить врагов назад. Тех было четверо против двоих, но они увидели, что по другому мосту бегут еще мальчишки, и кинулись назад. Лишь один раз выстрелили, почти не целясь. И Костя упал...

За окнами темнело – стремительно и бесповоротно, в щели начал сочиться холод, даже от стен потянуло прохладой. И все сильнее и сильнее били о берег волны. В коридорах стало темно и неуютно. Я прошелся по ним. Попытался заглянуть в Костину комнату, но Рита меня выгнала. Я только услышал, как он дышит – у него что-то пузырилось на губах, хрипело, – и понял, что вряд ли мы ему поможем.

Постепенно все стали собираться в Тронном зале. Там по крайней мере горел камин, и хотя на весь огромный зал теп-

ла от него не хватало, но зато было светло и как-то спокойнее. На каждой стене горело по факелу, и от нас тянулись по полу длинные нескладные тени. Я подумал, что нашим теням на полу зябко и неуютно, потому что в замке пол всегда холодный. Впрочем, и нам сейчас было не лучше...

Я подошел к одному из окон. Море ревело почти у самой террасы. Она вся была залита водой с тающими хлопьями пены. По небу сплошной пеленой неслись облака: редко-редко проглядывала какая-нибудь звездочка и тут же исчезала. Я порадовался, что сегодня не надо идти на встречу с Ингой.

Ветер рванул особенно яростно, где-то вверху зазвенело бьющееся стекло. Толик зло выругался, зачем-то пнул ногой стену. Стене, конечно, ничего не сделалось, а Толик, хромая, отошел к дивану. Меломан вздохнул и встал у окна рядом со мной.

– Давайте решать, что будем делать, – сказал Крис. Он сидел у камина, на своем «командирском» стуле. На коленях у него лежал меч.

– Что делать-то? – спросил Сержан. – Тима поутешаем. Вон он как, бедненький, горюет. Или поблагодарим Толика. Он на той неделе дежурил на восточном мосту, врагам спуску не давал. Вот и раззадорил «тридцатку»...

– Замолчи!

Толик метнулся к Сержану, вырывая из-за пояса меч. Я с ужасом увидел, что деревянное лезвие начинает серебриться, стальнеет.

Сержан отпрыгнул к стене, тоже потянулся к оружию. Но тут между ними оказался Тимур. Секунда – и Толик с Сержаном оказались на полу, скорчившиеся от боли, сразу ставшие одинаково маленькими и беспомощными. А Тимур стоял в каратистской стойке: одна рука у пояса, другая у лица, словно ожидал продолжения.

– Так, бунт подавлен. Спасибо, Тимур, – спокойно произнес Крис. – Еще раз повторяю, для Сержана: никто из нас в случившемся не виноват. Я тоже убивал врагов и тоже отступал... Ладно. Завтра пойдешь на восточный мост, там и проявишь эмоции.

Сержан с Толиком медленно сели в разных углах зала. Тимур устроился между ними, прямо на полу, словно не чувствуя холода. Я заметил, как он переглянулся с Крисом, и внезапно понял: именно они решают судьбу острова.

– Ребята, мы потеряли сегодня четверых бойцов.

– Троих! Костя живой, нечего его отпевать, – вскинулся Толик.

– Он уже не боец. Мы потеряли троих друзей и четверых бойцов. Теперь нам придется очень туго. Еще одна такая драка – и будем запираться в замке.

– Ну уж нет, – твердо сказал Тимур. – Ни за что.

Все зашумели. Запереться в замке, позволив врагам занять мосты и остров, считалось страшным позором. Даже Меломан скинул наушники и включился в спор. Речь шла о том, как повыгоднее расставить наши скудные силы. Я в

разговор не вмешивался, стоял и слушал.

– Самое тяжелое место – восточный мост, – подвел итог Крис. – Завтра они могут повторить атаку, а если даже и не повторят... Мы никогда не прощали обид. Туда пойдем я, Тимур и Толик.

– Мало, – резко сказал Меломан.

– Знаю. Но ничего не поделаешь. Ты с Игорьком и Янушем охраняешь южный мост...

– Хорошо. Малёк не подведет.

– Мальков у нас больше нет, все взрослые. Понял, Игорек?

Игорек кивнул. За весь вечер он не сказал еще ни слова.

– Ну а западный мост возьмут Димка с Сержаном.

Меня отправляли на самый безопасный мост.

– А я? – с обидой воскликнул Илья. – Меня забыли?

– Ты будешь дежурить на острове, – доверительно ответил Крис. – И придешь на помощь тем, кому придется совсем плохо.

Он действительно был прирожденным командиром. Оставленный в спокойном месте Илья так и не понял, что его оберегают. Я медленно обвел всех взглядом. И словно увидел нас со стороны. Огромный мраморный зал. Высокие окна, залитые брызгами воды, задернутые темнотой. Мерцающие факелы по стенам. Потрескивающий камин, над ним – алый щит, герб острова. У стены – кожаный, явно современный, немного помятый диван. Я вдруг понял, откуда он

здесь взялся – кого-то «сфотографировали» на диване. А по всему залу, в самых разных позах – сидя на стульях, на полу, на спинке дивана, стоя, лежа на составленных стульях (Меломан) – девять полуголых мальчишек, загорелых, увешанных деревянным оружием. Рядом и совсем взрослые парни, как Крис, и такие малыши, как Игорек. И все о чем-то беседуют, что-то обсуждают...

Я услышал, как скрипнула дверь, и сразу наступила тишина. Рита замерла на пороге, словно не решалась войти. Потом тихо сказала:

– Ребята, Костя умер.

Никто не вскрикнул и ничего не сказал. «Они же ждали этого, весь вечер ждали!» – понял я. И во мне что-то не выдержало. Я бросился к двери, оттолкнул Риту, побежал по коридорам. Вправо, вниз по лестнице, к двери, выходящей на остров. Закрыта. Вверх, в какой-то узкий проход, по кривым коридорчикам, где двоим не разойтись, по какой-то винтовой лестнице, вверх, вверх, вверх. Плотная закрытая дверь. Я распахнул ее, и ветер, наполненный дождем, набросился на меня. Вокруг была темнота: море, остров и вся громада замка далеко внизу. Я стоял на площадке дозорной башни. Один в ревущей темноте, под ударами ветра, пытающегося столкнуть меня вниз. Один на все сорок островов, на всю эту чужую планету, на всю Вселенную. У меня не было больше ни врагов, ни друзей... Разве что Инга... Но я уже не знал, есть она на самом деле или я ее просто придумал. И мне не

хотелось ни думать об этом, ни горевать, что два дня назад я попался на удочку поддельного фотографа. Я уже не чувствовал обжигающего холода, дождь казался теплым, как вода из-под душа. Я шагнул вперед, навстречу ветру, наткнулся на какие-то перильца и стал через них перелезать...

Надо мной гроыхнуло так, словно разорвалось небо. Белая молния зазмеилась над замком. Перекинув одну ногу через перила, я едва не сиганул с двадцатиметровой высоты – куда-то в бушующее между восточным и южным мостами море.

Молния угасла. Я оцепенел, даже не мог сообразить, в какую сторону мне лезть обратно.

Чьи-то руки схватили меня за плечи, стащили на площадку. Под самым ухом я услышал голос Толика:

– Димка, не надо этого, успокойся...

Он крепко держал меня в темноте, наверное, боялся, что я буду вырываться. Мне стало смешно. Он думал, что я... А может, он и правильно думал?

– Толик, отпусти...

– Не отпущу, кто тебя знает, может, ты собрался к Безумному Капитану.

– Ни к кому я не собрался.

– А чего убежал?

Во мне прорвало невидимую плотину, и я почти закричал:

– Толик, я не могу с ними, они там все не люди, а роботы, им никого не жалко, ты один нормальный, да и то...

– Димка, зря ты так. Мы нормальные, а я не лучше и не хуже других. Просто надо держаться, хотя бы на виду друг у друга. Если раскиснешь, то долго не протянешь. – Он говорил спокойно, уговаривая, и мне действительно делалось легче. – Раз уж нам не повезло и мы попали сюда, то надо держаться. Надо быть человеком. У нас не всегда так плохо, как сегодня. Иногда месяцами никого не убивают. Иногда попадают такие интересные новички... У нас жил один парнишка, скрипач, целый год. Знаешь как играл...

То, что он говорил, было неправильно, вывернуто наизнанку. Это было хорошо лишь по чудовищным меркам Островов. Ну что хорошего, что какой-то скрипач жил и, наверное, погиб здесь. Но что-то во мне уже смирилось с этим миром. И я успокаивался, все сильнее и сильнее прижимаясь к Толику, словно он был старше и мог от чего-то меня защитить.

– Толик, а про какого Безумного Капитана ты говорил? – спросил я. Не хотелось уходить вниз, в тепло и свет замка. Мне нужно было еще несколько минут, чтобы прийти в себя окончательно.

– Правда, ты ведь не знаешь про него... – сказал задумчиво Толик. – Еще не замерз?

– Нет.

– Тогда подождем следующей молнии. А ты смотри вперед и слушай, я буду рассказывать.

Он заговорил, и у него даже голос изменился.

– Безумный Капитан – это такой же мальчишка, как мы. То есть был таким же. Он попал на один из Островов и прожил там много лет, стал совсем уже взрослым парнем. Он хорошо дрался и, говорят, даже мог завоевать все Острова. Только он этого не хотел, он хотел помочь всем. И тогда он вместе с ребятами со своего острова построил настоящий корабль. Клипер, маленький и быстрый, на котором могли уместиться мальчишки с нескольких Островов. На этом клипере он со своими ребятами уплыл с острова. Они долго плыли по океану и нашли настоящую землю, где нет пришельцев и можно жить не воюя. Только они не остались там. Они поплыли обратно, чтобы перевезти туда всех ребят, со всех Островов... Но эти... пришельцы... сделали так, что его корабль не смог приблизиться ни к одному острову. Они хотели, чтобы он уплыл один. А мальчишка поклялся, что все равно прорвется к Островам, даже если ему придется вечно плавать в океане. И вот уже сто лет они носятся по волнам, не взрослеют, не умирают, но и помочь никому не могут. Лишь в самый сильный шторм клипер подходит почти к самым Островам. Но пристать ни к одному так и не может. Иногда их можно увидеть... Когда шторм... сильный...

Он замолчал. А притихший на мгновение ветер взвыл еще сильнее и принялся за нас с новой силой. Толик почти закричал мне в ухо:

– Говорят, если упадешь в воду в сильный шторм, то тебя подберет шлюпка Безумного Капитана. И будешь плавать...

на его корабле. Если бы знать, что это правда...

Я хотел сказать ему, что это не правда, а красивая сказка, переделанная легенда о Летучем Голландце. Но не успел. Потому что над головой опять полыхнула белая ветвистая молния, и в ее мертвом свете я увидел нереальный, невозможный, но до жути взавправдашний клипер Безумного Капитана. Тонкий силуэт со вздутыми парусами, почти лежащий на вздыбленных волнах где-то между нами и Тридцатым островом.

Молния погасла. Стало еще темнее, чем раньше. «Галлюцинация, – подумал я. – Как у психа. Тут точно свихнешься».

– Повезло, – глухо сказал Толик. – Я его еще никогда так близко не видел.

11. «Наблюдатель-36 докладывает...»

Я не спал. Другой бы, наверное, уснул, ведь чего только за день не случилось. И правильно бы сделал. А я не смог, у меня такая натура, что перед сном надо во всем разобраться, все разложить по полочкам. А это не получалось. Что-то не сходилось, и я не мог понять что. Ребята... Игорь, Костя... Нет. Ссора Сержана с Толиком? Нет. Безумный Капитан? Тоже нет. Завтрашний день? Нет... Что же кололо в груди? Наверное, все-таки ребята. Но даже не то, что они погибли в бою... На их месте должен был быть я, вот что. Крис отправил меня на другой мост в самый последний момент. Словно знал! Неожиданно я подумал еще и о том, что враги охотились в основном за ребятами моего возраста. В Тимура ведь они даже не стреляли, хотя логичнее было бы первым делом вывести из строя именно его, более старшего и опытного. Конечно, это было полной ерундой, кому и за чем за мной охотиться? Но стало жутковато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.